

*Рязань
Издатель Ситников
2007*

ББК 63.3 (2Ряз)
Н31

Авторы идеи проекта Э.Н. и М.Н. Никишкины.

Авторы: А.Ф. Говоров, И.В. Грачёва, **Д.В. Ерошин**, Н.А. Загрина,
Г.П. Иванова, В.М. Касаткин, Д.А. Коновалов, И.К. Красногорская,
Н.В. Молотков, О.Р. Полонский, М.В. Сидоренко, Л.Д. Сорокина,
Т.В. Шустова, В.И. Яковлев

Автор вступительной статьи П.С. Каданцев

Н31 **Насельники рязанских усадеб:** документально-художественное издание / сост. И. Красногорская; худож. Т. Полищук. — Рязань: Издатель Ситников, 2007. — 376 с.: ил.
ISBN 5-902420-19-4

В очерках, составляющих настоящий сборник, рассказывается как о владельцах усадеб, так и о тех людях, которым по тем или иным причинам довелось там жить. И те и другие оставили заметный след в истории России.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3 (2Ряз)

ISBN 5-902420-19-4

© Издатель Ситников, 2007
© Красногорская И.К., составление, 2007
© Группа авторов, текст, 2007
© Полищук Т.С. худ. оформление, 2007

НАСЕЛЬНИКИ РЯЗАНСКИХ УСАДЕБ

Богатства Рязанского края

Пётр
Каданцев

Один древний мудрец сказал: «Земные красоты — венец природы, а самоцветы на нём — человеки». Не опасаясь впасть в провинциальный сверхпатриотизм, рязанцы с полным правом могут гордиться тем, что Рязанская земля не обделена ни дивной, умиротворяющей и греющей душу природой, ни лучшим украшением её — замечательными людьми.

Некогда юный Виссарион Белинский, побывав на руинах бывшего стольного града Великого княжества Рязанского, написал такие строки: «Какие пленительные и, можно сказать, единственные виды представляет Старая Рязань со своими окрестностями. Представьте себе высокую равнину, которая оканчивается такою крутою, неприступною горою, что пеший человек едва может, и то только в некоторых местах взобраться на оную. В левой стороне на покато́й горе, и как бы в яме, стоит Рязань, а при подошве течёт широкая Ока, которая, разделяясь на две части, делает довольно большой остров и одною своею частью омывает живописный берег стоящего противу Старой Рязани городка Новоспасска. Ежели станете на горе лицом к Оке, то какое величественное и восхитительное зрелище представляется изумлённым очам вашим... <...> О, с каким восторгом, с какой гордостью, стоя на помянутой крутизне., я обозревал сии восхитительные виды! Эти места достойны, чтобы на них стоял столичный город».

Думается, к этим словам вполне уместно добавить, что на Рязанской земле имеется немало богатых

природными ресурсами и в то же время живописнейших мест, способных вызвать подобное восхищение увиденным. Уроженец рязанского села Константиново великий русский поэт Сергей Александрович Есенин во многих произведениях запечатлел дивную красоту и «восхитительные виды» своей малой родины.

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озёрную тоску.

Многообразие природы, «многоцветность» Рязанской земли, обуславившие её заселение в глубочайшей древности (вслед за отступлением скандинавского ледника), способствовали формированию людей эмоционально и интеллектуально насыщенных, энергичных и целеустремлённых, проявивших себя во многих областях деятельности. Именно они — её уроженцы и насельники стали — лучшим богатством и украшением Рязанского края.

Жизнь и деятельность самых выдающихся из них нашли своё отражение в ряде книг, например, в сборниках «Знатные рязанцы» (1959), «Гордость земли Рязанской» (1972), «К неведомым землям» (1989). «Рязанские усадьбы и их владельцы» (2006). Природа, история, лучшие люди нашего края традиционно освещаются рязанскими печатными и электронными СМИ, являются важным направлением в деятельности местных издательств. Выражаясь словами поэта, «сея разумное, доброе, вечное», они достойно служат благородному делу народного просвещения и патриотического воспитания, особенно учащейся молодёжи.

Вот почему представляется весьма своевременным и востребованным выход книги «Насельники рязанских усадеб», подготовленной коллективом учёных, краеведов, и литераторов. Она охватывает широкий круг знатных рязанцев: и получивших мировую известность, как лауреат Нобелевской премии И.П. Павлов, и незаслуженно забытых, как городской голова Рязани депутат IV Государственной думы Н.И. Родзевич, много сделавший для благоустройства и оживления общественно-культурной жизни губернского центра.

Среди героев книги — государственные деятели, военные моряки и путешественники, учёные и предприниматели, художники, артисты, музыканты и литераторы, известные благотворители... Иными словами говоря, рязанские таланты представлены в самых разных отраслях деятельности.

И нет никакого сомнения в том, что написанная занимательно и живо, с глубоким знанием фактического материала книга «Насельники рязанских усадеб» найдёт своего читателя. Она будет поучительна и полезна всем интересующимся отечественной историей и прошлым нашего замечательного края, особенно учащейся молодёжи, её воспитателям и наставникам.

Мать Петра I

Дмитрий Коновалов

Петр I был сыном рязанской женщины. Его мать, Наталья Кирилловна, родилась и провела юные годы в деревне Алешне Рязанской губернии (теперь Рыбновский район) в семье дворянина Кирилла Полуектовича Нарышкина.

Царица Наталья Кирилловна

Она росла в отцовском имении и к совершеннолетию поражала всех дивной красотой.

Как-то в имение приехал погостить близкий к царскому двору боярин и, увидев её, сказал:

— Помилуй, друг мой, Кирилл Полуектович, как можно держать в плену такую красавицу? В Москве ей место. Туда её надо отправить для воспитания и научения.

И вскоре Наталья с отцом отправились в Москву. Ехали, покачиваясь, в возке. Радостно и тревожно было на сердце: что ожидает её в столице?

Позади уходили за горизонт родные места. Скрылся высокий родительский дом с просторной светлицей, где она занималась затейливым вышиванием в долгие зимние вечера. Вспомнились летние ясные

дни и прогулки с подружками по лугам и по берегу милой речки Вожи. Совсем недавно она плела венки и бросала их на ясную гладь реки, мечтая о счастье.

За счастьем ли она едет?

В Москве остановились в доме думного дворянина Артамона Сергеевича Матвеева, давнего друга Кирилла Полуектовича (в своё время ратные дела сблизили их).

Сам Матвеев, степенный, тонконосый, с квадратной серой бородой, встретил гостей ласково и сердечно, представив им свою жену Евдокию Григорьевну и малолетнего сына Андрея. В новом доме девушке было чему дивиться. Комнаты, одна за другой, оказались украшенными на европейский манер — картинами, зеркалами, диковинными часами. Даже иконостас домового церкви был расписан итальянскими живописцами. И всюду вместо лавок и табуреток — кресла и стулья.

Главное же — сам хозяин был европейски образованным человеком, знал несколько иностранных языков. Он впервые устроил свой домашний театр, а затем и театр при царском дворе, где играли немецкие актёры и обученные им дворовые люди. Представления в придворном театре так нравились царю Алексею Михайловичу, что он просиживал на них далеко за полночь. Матвеев показал себя с лучшей стороны и в военных походах, и на дипломатической службе. Недаром его любил и уважал царь. Он сделал его воспитателем своих детей, часто бывал у него в доме и запросто называл его Сергеечем. Во время отсутствия Матвеева по службе вся царская семья скучала без него и царь писал ему ласковые послания.

«Приезжай к нам скорее: дети мои и я без тебя осиротели, за ними присмотреть некому, а мне посоветовать без тебя не с кем».

Среди продажных, жестоких и себялюбивых вельмож Матвеев резко выделялся своей честностью и гуманностью, и Наталья Кирилловна была рада, что отец передал её «для воспитания и научения» такому человеку.

Но жить в семье Матвеева ей пришлось недолго. Однажды царь пожелал отужинать в семье своего друга. К столу вышли жена Матвеева с сыном и Наталья Кирилловна. Статная и необыкновенно красивая девушка привлекла внимание овдовевшего к тому времени царя.

— Я и не знал, Сергееч, что у тебя есть дочь,— сказал он.

— Это не дочь моя, а воспитанница,— ответил Матвеев.

Во время ужина Алексей Михайлович разговорился с Натальей Кирилловной и убедился, что она в свои девятнадцать лет умна, добра и скромна. Немолодой царь весело шутил с ней и обещал найти ей жениха.

А через несколько дней опять приехал к Матвееву и сказал, что ему по сердцу пригласилась Наталья и он решил жениться на ней.

Артамон Сергеевич был обрадован и испуган: шутка ли — жених сам царь! Но Матвеев опасался мести бояр Милославских, родственников первой жены царя Марии Ильиничны, и посоветовал Алексею Михайловичу сделать выбор невесты так, как это было в обычае: из числа собранных для этой цели девиц.

Царь согласился, и ему было представлено во дворец 60 благородных девиц, среди которых была и Наталья. Алексей Михайлович выбрал её.

22 января 1671 года состоялась свадьба, и рязанская красавица стала царицей.

Наталья Кирилловна мечтала иметь сына, и желание сбылось. Рано утром 30 мая 1672 года в Кремле раздался торжественный колокольный звон. Это была весть жителям Москвы о рождении царевича. Назвали его Петром. Мальчик рос крепким и резвым.

На второй год после рождения сына Наталья Кирилловна побывала в родных местах. Но с приездом в имение родителей она тяжело заболела желтухой. Прося у бога избавления от болезни, она дала обет построить на родной земле каменную церковь вместо деревянной и, выздоровев, выполнила свое обещание. Эту церковь народ назвал «церковь на жёлчи», в память о болезни царицы, отсюда и появилось название села — Желчино (Рыбновский район).

В 1676 году царь Алексей Михайлович умер. Закончилась спокойная жизнь Натальи Кирилловны и счастливое детство Петра. Царём был провозглашён сын Алексея Михайловича от первой жены — Фёдор, недолюбливавший свою мачеху и всех её родных и близких. Бояре Милославские снова взяли верх при дворе и решили расправиться со своими противниками, и в первую очередь с Артамоном Сергеевичем Матвеевым, которого считали источником всякого зла.

Был распространён слух, что Матвеев — чернокнижник и водится с нечистой силой. Слухам поверил и царь Фёдор Алексеевич. Кроме того, Матвеев был обвинён в умысле на жизнь царя. Дело закончилось ссылкой Артамона Сергеевича вместе с сыном (жена к тому времени умерла) в далёкий городишко Пустозерск, на берег Северного Ледовитого океана.

Напрасно писал Матвеев челобитные на имя царя и окружавших его влиятельных царедворцев. Шёл год за годом, и на пустынном острове, где находился Матвеев, жизнь становилась всё тяжелее. Вот как он сам писал об этом в своих челобитных:

«В пути моём бедном... что растеряно, и рассыпано, и выточено, и того исписать не могу. И людишки, которые и пошли ко мне, и они, видя конечную мою беду, покинули меня с убытком моим, побежали. А в Пустозерском жители многие голодом тают и умирают не токмо... что купить, милостыни не у кого выпросить... Избёнка дана мне... без печи; прошлую зиму рук и ног во всю зиму не согрели, а иные такие дни бывали, мало что не замерзли. А от угару непрестанно умирали... Караульщики... меня стерегут, чтоб я не побежал. Бежать некуда и не от чего: совесть моя меня не судит и не грызёт...».

Матвеев с сыном пробыли в ссылке около семи лет, и Наталья Кирилловна ничем не могла облегчить участь своего наставника. Она сама подвергалась притеснениям, юный Пётр не раз видел слёзы на её глазах.

Царь Фёдор Алексеевич

Е.Ф. Лопухина, первая супруга Петра I

Но вот в апреле 1682 года царь Фёдор Алексеевич умер и на престол был избран десятилетний Пётр вместе с болезненным старшим братом Иваном. Наталья Кирилловна поспешила вызвать из ссылки Матвеева, так нужного ей в то тревожное время. За ним поскакал курьер. Не дремали и её противники.

По праву того времени до совершеннолетия Петра управлять государством должна была его мать, Наталья Кирилловна. Между тем старшая дочь Алексея Михайловича, Софья, ненавидевшая всех Нарышкиных, решила стать правительницей и для достижения этой цели возмутила стрелецкое войско. Её доверенные люди раздавали стрельцам деньги, обещали разные выгоды, если они будут стоять за неё. И когда в Москву вернулся радостно встреченный Натальей Кирилловной Матвеев, Софья поняла, что настало время решительных действий. Сторонники Софьи поскакали по стрелецким слободам, крича: «Нарышкины задушили царевича Ивана!»

С оружием и знаменами стрельцы ворвались в Кремль под треск барабанов и набат колоколов. И хотя Наталья Кирилловна в сопровождении патриарха и Матвеева вывела на крыльцо обоих царевичей – Ивана и Петра, – стрельцы уже ворвались в комнаты дворца. Боярин Матвеев был брошен на пики мятежников и изрублен. Затем толпа потребовала выдачи братьев Натальи Кирилловны и других близких ей бояр. Иван, любимый брат Натальи Кирилловны, сам вышел к толпе, прижав к груди икону. Не помогла и икона: он был растерзан стрельцами, как и второй брат царицы, Афанасий. В любой момент толпа могла вызвать на расправу Наталью Кирилловну и её сына Петрушу, который, помертвев от страха, стоял рядом с ней. Объятая ужасом, но исполненная беспредельной материнской решимости, она держала его за руку, готовая погибнуть вместе с ним. Стрельцы же, растерзав с десятков бояр из рода Нарышкиных, Долгоруких, Ромодановских, Черкасских, Салтыковых, Языковых и других, утолили свою ярость и закричали:

– Софью хотим на царство!

– Хотим Софью! Любо! Любо!

Так и вышло: за несовершеннолетием царевичей Ивана и Петра правительницей стала Софья.

Новая правительница не забыла и отца Натальи Кирилловны: он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер в 1691 году. Для Натальи Кирилловны и её сына снова началась тяжёлая, полная опасностей жизнь.

Милославские грозили прогнать царицу из дворца и с ненавистью смотрели на Петра. Поэтому Наталья Кирилловна почти безвыездно жила с сыном в подмосковном селе Преображенском. Воспитанием юного Петра занимался дядька Никита Зотов, сам малограмотный учитель. Любознательный Пётр нередко своими вопросами повергал в смущение своего воспитателя и скоро стал искать для себя других, более осведомлённых в науках учителей.

Царица со страхом смотрела в окно на своего сына, когда он на широком дворе, порывистый и неукротимый, грозно кричал на своих потешных солдат, командуя ими. От сухопутного Пётр перешёл к изучению морского дела. Он пропал на Переславском озере, и мать видела его редко. Приедет, прогремит по лестницам и снова исчезнет. Высокий, загорелый, то плотник, то моряк, то бомбардир.

Заскучав, царица писала сыну: «...Прелюбезнейший сыне мой, здравствуй многолетне... Скорбь... и уныльство во отсутствии и разлучестве твоём... Безмерное желание влечётся тя зрети... Тучу всяких смущений приход твой отдалит... Пришествия твоего царского присно ожидаем...»

Она хотела всегда иметь сына около себя, чтобы не болеть сердцем о нём, жить спокойно, по-старинному. Но Петру нужен был простор, небывалый размах государственных дел... И он наспех, скрипя пером, отвечал ей:

«Матушка государыня! Благослови сынишку твоего Петрушку, в работе пребывающего. Озеро вскрылось. Все суда, кроме большого корабля, в отделке. Только за канатами станет. Вели прислать их по семи сот сажен, не мешкав. Иначе житьё наше здесь продолжится».

«Не мешкав» — именно так требовалось выполнять распоряжения и просьбы юного царя, без волокиты и промедления!

Пришло время, решила Наталья Кирилловна женить Петрушу, чтобы хоть малость остепенить, приблизить его к себе. Сама и невесту приискала — шестнадцатилетнюю дочь окольного Лариона Лопухина — Евдокию. Через месяц после свадьбы Петр ускакал на Переславское озеро.

Военные занятия Петра, его решительный и властный характер всё более повергали Софью в беспокойство и страх. Расставаться с властью не хотелось, и она опять решила возмутить стрельцов. Однажды ночью Пётр узнал, что приверженцы Софьи подговаривали стрельцов и народ громить Преображенское. Вскочив на коня, он умчался в Троице-Сергиеву лавру, чтобы найти защиту за мощными стенами монастыря. Вслед за ним последовали мать, жена и близкие ему люди. Собрав около себя сильное войско, Пётр потребовал от Софьи выдачи главных её сообщников. Ей пришлось покориться, и все они подверглись казни. Затем и Софья была заточена в Новодевичий монастырь. Вся власть в государстве перешла в руки Петра. Шёл 1689 год. Началась бурная государственная деятельность молодого царя...

Опасности и волнения рано подорвали здоровье Натальи Кирилловны. Стройное тело её отяжелело, и от прежней красоты остались лишь дуги бровей да тёмные, когда-то сиявшие глаза. Частые отлучки сына и путешествия также ухудшали её душевное состояние. Она всё ещё болела, и в 1694 году скончалась 42 лет от роду.

О её прекрасных душевных качествах сложилась пословица: «Не дорого Нарышкино богатство, дорога Наталья Кирилловна».

Превратности судьбы

Дмитрий Коновалов

В 1702 году Пётр I подарил своему любимцу Александру Даниловичу село Слободское бывшей Рязанской губернии, в стороне от которого на огромном холме тот построил крепость Ораниенбург — голландской системы с пятью бастионами и тремя воротами: Московскими, Воронежскими и Шлиссельбургскими.

А.Д. Меншиков

Внизу, около бастионов, вскоре разлилось большое озеро, образованное из двух рек — Ягодной и Становой, протекавших под крепостью и запруженных плотинами. Царь при проезде в Воронеж на корабельные верфи обычно останавливался в замке Меншикова, и потому последний не жалел средств на его украшение.

В пору своего могущества Александр Данилович владел многими имениями в разных краях Российской империи, были у него и приморские дачи, но самым милым сердцу оставался всё тот же Ораниенбург, или Раненбург, как его стали называть позднее.

Обычно в погожие летние дни Меншиков с семьёй в сопровождении блестящей свиты выезжал из суетной

столицы в раздолье рязанских полей и лугов. Ехал мимо соломенных крыш, овчин и лаптей, по грязи или пыли просёлочных дорог в свой Раненбург.

По этим просёлочным дорогам, охраняемые конными гвардейцами, много дней колыхались украшенные гербами кареты и коляски, за которыми длинной вереницей тянулись повозки и фургоны.

Семью Меншикова окружало больше сотни солдат и офицеров почётного караула в треугольных шляпах, с пистолетами, ружьями и палашами. Не меньше было и прислуги в ливреях и разноцветной одежде — пажей, лакеев, певчих, поваров, конюхов, истопников, кузнецов, шорников, портных, гребцов.

Приехав в крепость, Меншиков, величественный, в парике, выходил из обшитой красной материей кареты, и перед ним распахивались обтянутые красным сукном двери большого, с роскошью отделанного дома. Он любил этот тревожный, горячий и торжественный красный цвет.

В своём кабинете светлейший князь диктовал (читать и писать он не умел, мог только расписываться) указы управляющим своих имений о присылке в крепость всяких припасов. К указанному сроку в сторону крепости, скрипя, приближались подводы с хлебом, мясом, рыбой и всякой иной снедью.

При виде гулявших по аллеям парка красивых дам в дорогах, раздутых пузырями платьях мужики раскрывали рты от изумления, а при встречах с офицерами, особенно с князем, робели и пятились, как от напасти.

Когда же устраивались иллюминации и падали пушки, жители, старые и малые, выходили из домов.

— Как бары-то веселятся, ух ты! — произносил кто-нибудь из толпы, задирая косматую голову в сторону разноцветных огней.

Но наступал день, когда всё срывалось с места и скрывалось в тучах пыли. Крестьяне облегченно вздыхали и провожали далеко не добрыми взглядами слишком беспокойных гостей.

После смерти Петра I Меншиков одним из первых способствовал возведению на престол Екатерины I и сделался фактическим правителем государства. Со смертью Екатерины I и воцарением малолетнего Петра II (сына казнённого царевича Алексея) власть Меншикова ещё более усилилась.

Являясь опекуном двенадцатилетнего царя, он перевёз его в свой дворец и даже заставил обручиться со своей шестнадцатилетней дочерью Марией.

Неграмотный светлейший князь, он же генералиссимус, обладал большим природным умом и удивлявшей современников трудоспособностью.

«Управление его было хорошо, — писал о нём один из историков прошлого, — а паче попечение его о воспитании и научении молодого государя: часы были установлены для наук, для слушания дел, для разговоров и обласкания первосановников государства и, наконец, часы для веселия».

Но, ослеплённый властью, Меншиков делал и ошибки, множившие число его врагов. Нередко он отбирал передаваемые царю деньги, говоря: «Государь слишком молод и не знает, как употреблять деньги», между тем сам, не встречая препятствий, пользовался государственной казной, как собственной.

Если когда-то Пётр I частенько наказывал Меншикова за казнокрадство — отдавал под суд, штрафовал, даже бил палкой, то теперь такого человека рядом не было. Неудобных ему царедворцев Меншиков своею властью предавал пытке, ссылая в Сибирь и Соловки. Но не дремала и ненавидевшая его родовая знать, желавшая подчинить царя своему влиянию. Составился заговор, о котором Меншиков не догадывался.

В середине августа 1727 года Александр Данилович почувствовал недомогание и отправился с семьёй в своё любимое имение поправить здоровье.

С приездом в Раненбург опять всё закружилось, зашумело. Обеды, танцы, прогулки по парку, катанье на лодках, ястребиная охота — вот когда наступало то душевное умиротворение, которого так не хватало в столичной жизни.

Стареющий Александр Данилович любовался своей женой, которая верхом на резвом скакуне уносилась в просторы полей вместе с приближёнными кавалерами и дамами и возвращалась радостная, помолодевшая. Благонравные и воспитанные дети — две дочери и сын — вызывали в нём чувство отцовской гордости, особенно старшая дочь, невеста царя. Но с тех пор как её обручили с императором, она сделалась молчаливой и печальной. Отца не могло это не тревожить. Он знал, что она продолжала любить другого, с которым ради государственной пользы и семейного благополучия всех Меншиковых пришлось её разлучить.

За этой бедой надвигались другие беды. Прибывший из Петербурга приближённый князя принёс неприятную весть:

— Противник наш, князь Иван Алексеевич Долгорукий, другом и наперником государя учинился. Он сам и родственники его возвышены и правят по изволению Петра Алексеевича всеми делами империи. Всё твердое и полезное отгоняется от двора, а псовая государева охота всех важных упражнений место заняла.

— Что обо мне там слышно?

— Говорить, как есть?

— Говори.

— Весь Верховный тайный совет против Вашей светлости восстановился. Остерман заодно с Долгорукими. Главным виновником гибели царевича Алексея выставляют, в расхищении казны обвиняют.

30 августа встревоженный Меншиков выехал в столицу. К его приезду царь-отрок оставил дворец своего опекуна и выехал в Петергоф. Тщетно просил Меншиков милости видеть царя. В этом ему было отказано.

Тучи над ним сгустились.

8 сентября 1727 года к Меншикову прибыл генерал-лейтенант Семён Салтыков.

— Сим объявляю указ его императорского величества, — начал он, и при этих словах Меншиков побледнел, а когда услышал об аресте — лишился чувств.

Княжна Мария Меншикова —
невеста Петра II

Княжна Екатерина Долгорукая —
невеста Петра II

Ему пустили кровь. Он пришёл в себя. В глазах его появились твёрдость и решимость. В дальнейшем ни стонов, ни жалоб, ни ропота никто от него не слышал.

«Я готов ко всему»,— говорил он и успокаивал свою семью. Но жена его, Дарья Михайловна, была в отчаянии. Она добилась встречи с царём и упала ему в ноги:

— Ваше величество, помилуйте, пощадите...— твердила она, но двенадцатилетний император, высокий, с пасмурным взглядом, был непреклонен.

Приближённые царя, к которым она обратилась за помощью, не пожелали слушать, отвернулись.

По царскому указу Меншикова лишили орденов и дворянства, у невесты отобрали экипажи и прислугу. Ему была определена ссылка с семейством в Ораниенбург.

Выехали, как и прежде, большим обозом: четыре кареты и 42 повозки в сопровождении военной команды, возглавляемой капитаном Пырским.

В пути следования, как коршуны, налетали курьеры и по приказанию царя и распоряжению Верховного тайного совета точно рвали и ошпыливали Меншикова. Отобрали у невесты обручальный перстень, полученный от императора, разоружили служителей Меншикова, наконец, потребовали усиления строгости к арестованным.

С дороги свояченица Меншикова Варвара Арсеньева писала письмо в Петербург, умоляя о смягчении участи ссыльных, но в ответ на это по решению Верховного тайного совета сама была арестована и отправлена в монастырь. Вторая свояченица Меншикова за подкуп духовника царицы Евдокии Фёдоровны с целью облегчения участи своей сестры была брошена в застенок, где ее пугали пыткой, монаха же вздернули на дыбу и дали тринадцать ударов плетью.

Попробовал противиться строгостям капитана Пырского дворецкий Меншикова Тихон Радионов и тоже попал под арест. Такой же участи подвергся приказчик Меншикова, подозревавшийся в сговоре со своим опальным князем.

Ехали не спеша, почти месяц, водой и сушей. От Москвы следовали через Коломну, Зарайск и Скопин.

3 ноября 1727 года потрепанным, но еще богатым обозом прибыли в Ораниенбург, где Меншиков с семейством был помещён в собственном доме под строгим караулом. Крепость запиралась с вечерней зарёй и отпиралась с утренней. При комнатах Меншикова с супругой и его детьми были поставлены часовые. Александра Даниловича никуда не выпускали, кроме как в церковь, которая находилась в слободе, а не в крепости, при этом Пырский сам сопровождал его с шестью солдатами, против же церкви выставлял караул из 40 человек. А с декабря и эти выезды прекратились: в крепость была доставлена полотняная церковь.

Меншиков не терял надежды вернуться ко двору, но поступил весьма опрометчиво, подписав поданный ему паспорт одному из своих берейторов, где был указан полный его витиеватый и высокопарный титул:

«Мы, Александр Меншиков, Римского и Российского государств князь и герцог Ижерский, наследный господин Аранибурха и иных его царского Величества всероссийского первый действительный тайный советник, командующий генералиссимус войск и генерал-губернатор губерний Санкт-Петербургской и многих провинций его царского Величества, кавалер святого Андрея и Слона и Белого и Черного орлов, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем сим...»

Паспорт этот был заверен княжеской печатью и впоследствии послужил одним из пунктов обвинения Меншикова: как он осмелился подписываться и титуловаться князем, будучи лишённым княжеского достоинства и чинов?

Меншиков как будто не замечал скакавших к Пырскому нарочных, отбиравших у его детей ордена, лошадей и экипажи и удалявших из крепости всех княжеских солдат. Зато нависшую над ним угрозу хорошо поняли его приближённые. Лекарь, священник и служители Меншикова начали проситься в отпуск. Уходили, кто куда мог, под разными предложениями. Меншиков, не чиня препятствий, подписывал отпускные.

Сарестом Меншикова в Верховный совет посыпались жалобы и денежные претензии к нему от частных лиц. Для разбора этих жалоб и претензий была образована специальная комиссия. Вскрылись злоупотребления Меншикова государственной казной и получение им взяток в больших размерах. Например, голштинский герцог подтвердил, что Меншиков взял с него взятку в сумме 60 тысяч рублей.

Петр II пришёл в совет и объявил:

— Послать к Меншикову нарочного и обо всём допросить с принуждением и угрожая, что поступлено будет с ним иначе, если не скажет истины.

Совет вынес решение о конфискации всех имений Меншикова, а для его допроса был направлен в Рененбург действительный статский советник Плещеев. Вместе с Плещеевым послали для смены Пырского гвардии капитана Мельгунова.

5 января 1728 года оба они прибыли в Ораниенбург.

Плещеев и Мельгунов приступили к описи имущества семьи Меншикова в присутствии всех наличных офицеров, солдат и дворни.

В большой столовой палате, окружённый дворецким и служителями, сидел Меншиков с семейством. Рядом громоздились сундуки и собранные из разных комнат вещи. С другой стороны находились Плещеев, Мельгунов, офицеры и солдаты.

Раскрылись два огромных сундука, наполненных бриллиантовыми, алмазными и золотыми вещами, два с серебряными, три — с серебряными и медными деньгами, девять — с богатым платьем и бельём.

Меншиков сам передал Плещееву алмазные шпаги, пожалованные ему Петром I, и перстни, подаренные Екатериной I.

Присутствующие воззрились на Меншикова в ожидании увидеть его душевное смятение. Но массивное его лицо, гордая осанка и даже тяжёлые руки выражали суровость и величавость, а мысли его — об этом говорили глаза — были далеки от происходящего. Может быть, вспомнились ему великие деяния Петра, главным исполнителем которых он был? Или тень его встала перед ним и закрыла богатства, ставшие ненужными и бранными?..

Дарья Михайловна, постаревшая и похудевшая, прижимала к глазам платок, мокрый от слёз; Мария, таявшая на глазах семьи, оставалась безучастной ко всему; четырнадцатилетний Александр и младшая сестра словно ушли в себя, вспоминая недавнее сказочное прошлое...

В течение трёх суток Плещеев и Мельгунов принимали, описывали и опечальчивали вещи. В то же время Верховный тайный совет занимался конфискацией других имений Меншикова.

Всего было конфисковано: 120 тысяч душ крестьян, шесть имений (Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Почереп, Батурич и Ораниенбург), 17 домов и 200 лавок в Петербурге и Москве, капитал в 13 миллионов рублей, кроме этого, на 1 миллион рублей всякой движимости, алмазов и бриллиантов, более 200 пудов золотой и серебряной посуды, множество платья, вышитого золотом, бриллиантами и алмазами.

Меншиков был допрошен по 120 пунктам, после чего почти три месяца жизнь в крепости проходила спокойно. Александр Данилович рассчитывал, что если его и не вернут ко двору, то навсегда оставят в ссылке в Ораниенбурге. Так в самом деле с ним и хотели поступить.

Но 24 марта 1728 года в Москве у Спасских ворот было найдено подмётное письмо, «наполненное всякими плутовскими и лживыми внушениями, доброхотствуя и заступая за бывшего князя Меншикова». В письме сообщалось, что Меншиков имеет высокий ум и если его не вернут, то дела пойдут плохо, потому что любимцы императора — неспособные к управлению государством люди.

Это слишком оскорбительное для временщиков письмо вызвало подозрение, что оно было написано под диктовку Меншикова или по его внушению. Начались «строжайшие исследования», ни к чему, впрочем, не приведшие: автор подмётного письма остался неизвестен. Но письмо это круто изменило судьбу Меншикова.

8 апреля 1728 года император подписал указ о ссылке Меншикова с женою и детьми в Берёзов Тобольской губернии — дикий край за три тысячи вёрст от Москвы.

В середине апреля из Ораниенбурга выехал странный обоз.

В рогожной кибитке везли Меншикова с супругой; на телеге сидел их сын Александр, обернутый в шубу, с пуховой шляпой на голове, а за ним, тоже на

телеге, прижавшись друг к другу, ехали его сестры в зелёных тафтяных шубках и в белых атласных чепцах.

Ссылных окружали солдаты во главе с капитаном Крюковским.

В восьми верстах от Ораниенбурга обоз нагнал капитан Мельгунов с командой солдат. По предписанию Верховного тайного совета он приказал выйти всем из повозок, и солдаты стали выбрасывать на дорогу пожитки ссылных. Мельгунов отобрал «лишние» вещи — запасную тёплую одежду и белье ссылных, оставив их в простых лёгких платях.

Праздник пасхи 21 апреля ссылные встретили в Переяславле-Рязанском, а на другой день отправились водой до Соликамска через Муром, Нижний Новгород и Казань. В 12 верстах от Казани около села Услон пришлось остановиться из-за болезни княгини. Больной её вывезли из Ораниенбурга, и езда на телеге, без шубы, скудная арестантская пища и отсутствие медицинской помощи быстро привели к смерти. Она скончалась в крестьянской избе на глазах семейства, окружённая солдатами. Её похоронили в селе Услоне около сельской церкви.

Меншиков в чёрном суконном кафтане, в бараньей шапке, запахнувшись в тулуп, ехал с детьми всё дальше и дальше — умирать.

Примечание составителя

Имение Александра Даниловича Меншикова Ораниенбург было взято в казну, приписано к Козловскому уезду как село и превращено в место ссылки высокопоставленных особ. После Меншикова в усадьбе-крепости очутился с семьёй его неприятель Сергей Григорьевич Долгорукий — дядя новой «государыни-невесты» княжны Долгорукой, в назначенный день свадьбы с которой юный император Пётр II умер от оспы. В ссылке Долгорукие пробыли около пяти лет. Участь этой семьи оказалась ещё трагичнее участи Меншиковых: родственники царской невесты были казнены в Новгороде в 1739 году.

Ораниенбург в это время находился в конюшенном ведомстве в ожидании очередных сановных невольников. И они появились в 1744 году: двоюродная племянница императрицы Елизаветы, Анна Леопольдовна — правнучка царя Алексея Михайловича с малолетними детьми (четырёхлетним бывшим Российским императором Иоанном Антоновичем, его младшими сёстрами Екатериной и Елизаветой) и мужем герцогом Антоном Ульрихом Брауншвейгским.

Именитые насельники прожили в роковой усадьбе менее года, с января по август, и были упрятаны на север России, в Холмогоры.

Ораниенбург же в 1779 году сделался уездным городом Рязанского наместничества и поменял название, стал называться Раненбургом: никто больше апельсины в нём не разводил (die Orange — апельсин). В 1948 году город получил новое название — Чаплыгин, в честь родившегося в нём известного учёного Сергея Алексеевича Чаплыгина.

Павел Коробьин из Верхней расправы

Валерий Яковлев

Некий чиновник М.П. Измайлов, приехавший из Москвы в Переяславль-Рязанский, 3-го мая 1696 года «измерял улицы и переулки, и всяких чинов городских жителей дворы и огороды». План, составленный по его данным секунд-майором А. Языковым, получился довольно куцым и фактически включал в себя только Кремль на высоком холме с окружающими его зелеными валами. Но коль уж взялись за дело... К древним валам доморощенные топографы прирастили посады и слободы с соляными амбарами и питейными заведениями. А там уж — пошло, поехало... Постепенно сложился генеральный план города, и Екатерина II в 1780 году утвердила его росчерком пера. Узаконила и новое название города — Рязань, со всеми вытекающими отсюда последствиями — организацией губернского правления, дворянского собрания, Казённой палаты, разных канцелярий и, конечно, прокурорской службы.

Церковь Святого Духа, Рязань
Фото А. Шведа, 2005 г.

Вот с толстенного, страниц на триста, фолианта, переплетённого бычьей кожей, густо исписанного кудреватым почерком тогдашних стрикулистов, мы, пожалуй, начнём свой рассказ.

Называется книга сухо, по-казённому – «Канцелярия Рязанского губернского прокурора. Настольный реестр. Ведомость решённых и нерешённых дел». Начало ей положено 2-го января 1787 года. Правописание двести с лишним лет назад существенно отличалось от сегодняшнего: там, где нынче надлежит быть «твёрдому» знаку или «мягкому», стоит наверху некая «загогулина», а уж точками, запятыми, «красной строкой» тогдашние писари и вовсе пренебрегали.

Трудно, конечно, читать такой текст. Через него продираешься ошупью, точно с завязанными глазами. Но то, что сумел постичь, до чего дошёл своим умом, – ей Богу! – доставляет истинное удовольствие. Ведь подумать только! – через сколько поколений приходит к тебе голос, фонетический строй которого заложили более тысячи лет назад Кирилл и Мефодий, создав азбуку и подарив её вечности. То есть нам с вами.

На пятой странице «Настольного реестра» значится документ, который знакомит нас с должностными лицами прокуратуры, вершившими суд и расправу в нашей губернии. Я не случайно употребил слово «расправа», так в то время называлось судебное учреждение, а упомянутый документ гласил:

Высокоблагородному Высококочтимому Рязанского Наместничества Господину Губернскому Прокурору Семёну Андреевичу Раевскому.

Рязанской верхней расправы прокурора

Коробьина

Рапорт

...из чинов Верхней расправы в отпуске никто не находится, о чём сем и рапортую.

На подлинном подписано. Прокурор Павел Коробьин.

Января 2 дня 1787 года.

Так называемая Верхняя расправа была учреждена Екатериной II в качестве губернского судебного органа для государственных, экономических, дворцовых крестьян, а также ямщиков и однодворцев. Состояла сия расправа из двух председателей, назначаемых Сенатом, и десяти заседателей. Имела два департамента – уголовный и гражданский. Кроме того, в каждом уезде в качестве сословного суда действовала Нижняя расправа для непомещичьих крестьян. Впрочем, эти судебные органы просуществовали недолго, были упразднены в 1796 году при Павле I.

В том же настольном реестре приведён «Послужной список» Коробьина, или, как мы сегодня сказали бы, краткие биографические данные. И вот что благодаря старинной рукописи стало известно:

Надворный Советник Павел Васильевич Коробьин, 37 лет. Из дворян. Владеет имением – в деревне Лунино Касимовского уезда, а также в других местах. В службу вступил в 1763 году в качестве ефрейтора. Затем поднялся до капрала, ротного квартирмейстера, вахмистра. Бывал в походах против неприятеля: в апреле 1769 года при атаке на город Хотин (турецкая крепость на правом берегу Днестра), в августе того же года – при деревне Лапуш. Участвовал в баталиях

1771–1772 годов: речь идёт о походе русской армии под командованием Василия Долгорукого в Крым против враждебного хана. В отставку вышел в чине поручика. В 1779 году определён Правительственным Сенатом в Рязань прокурором Верхней расправы. Жена Екатерина Ивановна. Имена дочерей написаны неразборчиво, О сыновьях сказано: Михайла — два года, Александр — отрок.

Вооружившись сведениями о прокуроре губернского суда, не худо бы и в его «корень» заглянуть, к чему призывал нас незабвенный Козьма Прутков.

«Дело о дворянском роде Коробьиных» начинается с такой «рописи»:

«К великому князю Фёдору Олеговичу Рязанскому приехал из Большой Орды Шелехматовой татарин Кичи-Бей, а во крещение ему имя Василий, а был у великого князя Фёдора Олеговича боярином, у него были дети Иван Коробья да Селиван Кичибеевичи... и от Коробьи пошли Коробьины, а от Селивана пошли Селивановы».

Кстати, одно из значений слова «коробья», приведенного у Даля, — сундук, и во времена стародавние слово это применялось достаточно широко и вошло в пословицы как символ достатка: «Коробья не велика, да укладиста», «В моей коробьи завелись воробьи». Значит, этот самый Иван по прозвищу Коробья отличался от Селивана склонностью набивать коробью, копить достаток. Впрочем, может быть, был просто не в меру тучен, вместителен, подобно коробье. Кичи-Бей же по-татарски — «малый князь». Но растворилось во времени это то ли определение знатности, то ли имя, а прозвище Коробья зашагало по векам.

В «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи» содержатся такие сведения: «...потомки Коробьиных многие Российскому престолу служили Дворянские Службы в Стольниках, Стряпчими и в иных чинах и жалованы были от государей крестьянами...».

Окольничий Василий Гаврилович Коробьин, видимо, обладал дипломатическими способностями, был послом в Крыму, Дании и Персии. Однажды из земли грузинской привёз ризу господню в подарок государю Московскому.

Его брат Иван сопровождал Филарета Никитича Романова в Польшу, делил с ним тяготы трёхлетнего заточения.

Про этих сыновей Гаврилы Коробьина, воеводы в Переяславле-Рязанском, в Жалованной грамоте Михаила Фёдоровича Романова сказано: «А они, Василий, и Борис, и Иван, будучи на Москве против тех злодеев наших стояли крепко и мужественно, и многое дородство и храбрость и кровопролитие в службе показали... а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусились... Стояли в твёрдости разума соего крепко и непоколебимо безо всякие шатости и от их великие службы польские и литовские люди от Москвы отошли». Подписано 22 октября 7122 (1614) года.

В этой же грамоте говорится, что царь пожаловал братьям 410 четвертей земли в Суздальском уезде. Это прибавка к имеющимся рязанским вотчинам. А Коробьины владели сёлами Срезнево, Карино, Рыбное с деревнями, были

под их рукой Новосёлки, Горетовское, Коробьино тож — на Оке (сейчас село Кораблино). В архивных бумагах проскальзывают ещё Костино и Ласково.

Коль зашла речь о гербовнике, имеет смысл дать описание герба Коробьиных, род которых входил в 6-ю часть дворянской Родословной книги. Выглядел он так: по жёлтому полю скачет всадник на белом коне, с луком в руках и с колчаном за спиной. На голове — красная шапка. Поверх, над прямоугольником, тоже жёлтым, — рыцарский шлем с забралом.

Под покровительством сего рыцаря и радел на поприще права и закона наш прокурор Павел Васильевич Коробьин. «Дело о дворянстве» вносит некоторые подробности в помянутый выше послужной список. С турками Павел Васильевич воевал в кирасирских полках под водительством Долгорукого и Румянцева, который за доблесть заслужил определение — Задунайский. Выйдя в отставку, Корабьин поначалу выбран был в Рязанский уездный суд заседателем, а потом уж ему доверили пост прокурора. И детишки у него, кроме отмеченных в «Послужном списке» Михаила и Александра, ещё народились, Иван и Порфирий. Оба службу начали в лейб-гвардии Преображенском полку день в день, час в час, 29 июня 1808 года. В шведскую кампанию прошли по лесам и болотам Лифляндии. Потом сражались на Бородинском поле, под Кульмом и Лейпцигом. Вместе со своей армией подступили к стенам Парижа. Оттуда через Нормандию совершили марш до Шербурга и на корабле русской эскадры вернулись к родному берегу, в Кронштадт.

Штабс-капитан Иван Павлович Коробьин позже, зимой 1830 года, во время эпидемии холеры, вспыхнувшей в Москве, пребывал денно и нощно в Сущевской больнице, при её начальнике генерал-майоре Сталле и за полезную деятельность был удостоен монаршьего благоволения, «объявленного в Высочайшем рескрипте». Вдобавок к тому — пятьсот рублей получил.

Но вернёмся к нашему прокурору. Какие дела он рассматривал вкупе с гласными заседателями? (Их имена тоже приведены — коллежский асессор Сава Сулменев, Степан Костин, Сафрон Миляев, Яков Баловнев, Ермолай Филатов, Пётр Иванов, Иван Милютин, Иван Михайлов.)

В «Тетради записей Верхней расправы» (она присутствует в общей «Ведомости» в качестве отдельной главы) сведения, разумеется, рассыпаны разные. Одни скуку навевают, другие вызывают улыбку. Притом, по причине беглого, а порою и неряшливого почерка тех писавших более двухсот лет назад молодцев, да и, следует признать, скудных познаний читателя в графологии, не всё можно быстро разобрать. Но всё-таки в одном тексте, посидев над ним день, я разобрался полностью. Называется он пространно — «Протокол по делу, присланному при доношении из Касимовского уездного суда о подсудимом Касимовского округа села Тумы экономическом крестьянине Афанасье Тимофееве в проверчении им... в питейном доме казённой с вином бочки и питии из оной вина».

Эту историю я представил себе так:

Сидел некий мужичок именем Афанасий, большой любитель «заложить за воротник», в казённом трактире с такими же выпивохами, как он сам. То есть с соседями по глухому манному мещёрским лесам, кои неизвестно где начинаются и неизвестно где кончаются. Опрокидывал чарку за чаркой. В непомерном излиянии дошёл уже «до положения риз». В кармане копейка не звенела и даже полушка не шевелилась, а червячок меж тем подтачивал, просил. Тогда решился Афанасий на дурное дело. Незаметно проковырял гвоздём, обнаруженным под лавкой, толстенную дубовую бочку, к чему, конечно, приложил немало стараний, и припал к живительному источнику камышинкой (в протоколе сказано — «дудкою»). Приноровившись, потихоньку потягивал бесплатно дорогое питьё. И так бы вкушал он до окончательного помутнения рассудка, да крестьянин генеральши Нарышкиной, сам едва прочухавшись, вдруг проявил совесть, а может, просто позавидовал Афанасию. Схватил его за руку, коей находилась означенная дудка, и тем помешал ему дать стрекача. Хотя думается, ослабевшие ноги изобретательного мужичка вряд ли вынесли бы его из трактира.

«А посему и подверг себя кабале в рабочем доме, — плёл далее словесную паутину протоколист, — для зарабатывания за вышеписанное вино денег — четырёх рублей двенадцати копеек и с процентами. Почему и отослать его, Тимофеева, в силу 781 года апреля 3 дня Указа для зарабатывания в рабочем доме, в приказе общественного призрения».

Данный протокол, равный обвинительному акту, кроме прокурора, подписали председатель Верхнего земского суда (существовал такой в губернии) князь Борятинский, председатель Верхней расправы Сулменев, заседатели Повалишин, Баловнев и другие.

Надо думать, господину Корабьину попадались дела и поважнее, посерьёзнее, чем это бесплатное питие, — связанные с воровством и татьбой, нанесением телесных повреждений, поношением особ царствующего дома и другими злостными преступлениями. И нервы у него, как и всех смертных, были, конечно, не железные. К тому же личные тяготы и заботы одолевали. Имение своё нужно было проведать, касимовскую деревеньку Лунино, доставшуюся ему в наследство от папаши, а то приказчик денег присылал — ладошкой можно прикрыть. Пора было ему, шельме, укорот дать. И Павел Васильевич испросил дозволения у губернского прокурора Раевского отлучиться на сельскую ниву, отдохнуть душой и телом. А тот, согласно существовавшим чиновничьим правилам, отослал прошение в столицу. Оттуда уж фельдъегерь, сменив добрый десяток лошадей на ямских заставах, привёз запечатанный сургучом, тиснённый двуглавым орлом пакет. И вот он, образчик тогдашней деловой переписки:

«Высокоблагородный и Почтенный Рязанского Наместничества верхней расправы Господин Прокурор.

В силу данного мне 24 января нынешнего года от его сиятельства Господина Действительного Тайного Советника Генерала Прокурора и разных Орденов Кавалера Князя Александра Алексеевича Вяземского на время отсутствия его

ордера, в коем предписано поступать мне во всём на основании данной Генералу Прокурору Инструкции, по прошению вашему увольняетесь вы мною для нужд ваших на два месяца, по прошествию коего времени имеете явиться к должности своей на срок, а в небытности вашу прокурорску должность может исправлять старший стряпчий при верхней расправе.

Вашего высокоблагородия охотный слуга Фёдор Колокольцев.

Февраля 28 дня 1787 года».

Сделаю некоторые пояснения. Князь А.А. Вяземский занимал должность генерал-прокурора дольше всех в России — с 1764 года по 1792. Это был все- сильнейший человек в империи, первый и единственный министр, в ведении которого находились важнейшие и разнообразные дела управления государством. Пользуясь полным доверием Екатерины II, он был надёжным и верным проводником всех её идей и новшеств.

На этом, пожалуй, можно было бы поставить точку, но уж больно не хочется мне расставаться с Коробьиными. Примечательные это были люди. Вспомнить хотя бы ещё одного из них, именем Симеон.

Был он боярином при юном рязанском князе Иване Ивановиче и подвёл однажды того «под монастырь», сообщив московскому князю Василию III о его намерении противостоять Москве и даже породниться с крымским ханом: жениться на дочери Магмет Гирея для укрепления союза с татарами. Но, как сообщается в Устюжском летописном своде, «тое же зимы поймал князь великий Василей Иванович князя Ивана Ивановича рязанского, а Рязань всю за себя взял». Пришлось Ивану Ивановичу посидеть у своего «старшего брата» в «порубе», а потом бежать и скрываться в Литве у короля Сигизмунда I и там прогуливать остатки своей казны.

Но это так, историческая реминисценция. Хотя яблоко от яблони... Бог весть. Во всяком случае, Коробьины, жизнь которых протекала в провинции, спокойным нравом не отличались, что, в общем-то, не особо выделяло их. Такие бури бушевали в дворянских «гнёздах»! Такие драмы разыгрывались! Чаще всего сыр-бор разгорался из-за наследства. Расскажу об одной из тяжб, связанной с потомком Коробьиных, род которых разросся на раскидистом древе, подобно яблокам в урожайный год.

Капитан Степан Михайлович Коробьин жил в одно время с Павлом Васильевичем, но годами был его постарше. Когда будущий прокурор только вступал на военную службу в скромном звании ефрейтора, его родич, отставной капитан, пребывал уже в довольно почтенном возрасте. Тяжбу он вёл с князем Гагариным. Гагарины происходили от князей Стародубских. А предком Стародубских был незабвенный Рюрик, родоначальник большой династии русских князей и царей. В 1330 году одного из Стародубских, Фёдора Ивановича, предали лютой смерти в Орде, как незадолго до этого поступили с князем рязанским Романом Ольговичем.

Эта историческая справка приводится затем, чтобы показать, представители каких почтенных родов вступили в тяжбу, искали правду у высших властей, даже прибегали к содействию генерал-прокурора.

Суть же дела выражена в так называемом «Кратком экстракте о спорном капитана Степана Коробьина с Порутчиком князь Петром Гагариным недвижимом рязанском имении». «Иван Большой Иванов сын Коробьин» взял в себе в жёны девицу Прасковью, дочь князя Фёдора Гагарина. После этого брака к поместью Коробьина, в 143 четверти, прибавилось ещё 46 четвертей, которые подарил Прасковье брат её Алексей. После смерти Ивана вдова удела треть своего земельного владения, то есть 63 четверти, дочери Авдотье. Оставшуюся землю через четыре года почему-то передала брату Алексею. А тот, спустя короткое время, вернул её в качестве приданного племяннице, той же Авдотье, которая пошла под венец с Агеем Сунбуловым.

Заметим: всё это происходило в конце XVII — начале XVIII века, когда на престоле сидел молодой царь Пётр I.

Зарайский воевода Дмитрий Сунбулов в своём доношении писал: «... оный князь Алексей Гагарин про отдачу племяннице своей девке Авдотье поместья, а девка Авдотья про сговор о замужестве с Агеем Сунбуловым с пристрастием допрошены, и что ей, Авдотье, прожиточное и данное от дяди князя Алексея Гагарина поместье в том 706-м году генваря 23 дни отказано, о чём в отказной книге сообщено».

И печатью, по всем правилам, скреплено. Как говорится, комар носу не подточит. Но Пётр-то Гагарин, сын добрейшего дядюшки Алексея, вот именно — с носом остался. И, достигнув звания поручика, похоронив отца, стал хлопотать, чтобы поступное отцу его от 704 года поместье справить за ним, Гагариным».

С другой стороны братья Григорий, Василий, Степан, племянники Ивана Большого Коробьина, тоже были людьми не робкого десятка и готовы были сражаться за спорную землю. После смерти Авдотьи, которая приходилась им двоюродной сестрой и покинула мир, не оставив наследников, они вознамерились присоединить её владения к своим. Явмвшись однажды, в 1741 году, в вотчинную коллегия, показали три «закладные записки», составленные Авдотьей в их пользу. Но статский советник Поляков, видимо, усмотрев какое-то нарушение в оформлении бумаг, склонил коллегия к тому, чтобы по одной «закладной» была удовлетворена просьба Григория и Степана, а причитающееся по двум другим — переходило в руки Петра Гагарина.

Словом, наша коса на камень. Не год и не два тянулось разбирательство. Капитан Степан Коробьин подал апелляционную жалобу в Сенат, а там не слишком спешили с рассмотрением подобных дел.

Сошли в могилу люди, затеявшие тяжбу о земле. Спор продолжали их дети. В архивных документах содержится такая запись: «...По сему делу, представленному от полковника и Кавалера Михайлы Степанова сына Коробьина в 1798 году, и учинён был этот “Экстракт”».

Уже – 1798 год!.. А началось всё в 1741 году – «скоро сказка сказывается, да не скоро...».

И далее: «12 ноября 1798 г. Правительствующий Сенат слушал и определил: утвердить именование за Коробьиными».

Николаю Гагарину, уже Петрову сыну, такое определение, конечно, было ножом в сердце. Набравшись храбрости, он пишет самому генерал-прокурору А.А. Беклешову, жалуясь на неправильное решение пятого Департамента Сената. А тот препровождает его жалобу ближайшему своему помощнику, обер-прокурору Шетневу с краткой резолюцией – «разобраться». Шетнев копается в Своде Российских законов, новых и старых, доходя аж до 1725 года, с пристрастием изучает генеалогические древа, выявляя степень родства многочисленных Коробьиных, Гагариных, Сунбуловых. А тут ещё Ершovy и Поздняковы неизвестно с какого боку-припёку обнаружились. Ох, тесен мир! И густо был он заселён старинными дворянскими семьями. Знакомились, влюблялись, женились, производили на свет детей и тем самым взаимно проникали из рода в род.

Но чем же всё-таки закончились многолетние перекоры между потомками двух родовитых семей, издревле обосновавшихся на рязанской ниве и владевших солидными земельными наделами? В номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 15 июля 1799 года в разделе «Объявления от Тайного Советника Неплюева» пропечатано: «На просьбы Надворной Советницы Ивановой (видимо, какая-то дама со стороны Коробьиных) и подпоручика князя Гагарина, жаловавшихся на неправильные якобы решения Правительствующего Сената департаментами дел их о спорных имениях и просящих о рассмотрении оных в общем Сената собрании, Высочайшего соизволения не последовало».

Немало смуты и безладицы было на Руси великой. Добро ещё, что в большинстве своём, благодаря вмешательству органов, отвечающих за соблюдение законов, всё заканчивалось миром. А то ведь от настойчивых притязаний и взаимных обид до вил и топора – всего один шаг.

И ещё одна интересная деталь, связанная с родом Коробьиных. В 80-х годах XIX века дворянин Матвей Иванович Муравьёв-Апостол, обратился со «всеподанейшим прошением о дозволении передать свою фамилию родственнику его, сыну сенатора Владимира Коробьина». Оказывается, Матвей Иванович был последним представителем рода и, находясь в довольно почтенных летах, не хотел, чтобы он угас. Постановлением Государственного Совета от 1886 года Владимиру Владимировичу Коробьину, статскому советнику, камергеру Высочайшего двора, кавалеру многих российских и иностранных орденов, разрешено было именоваться Муравьёвым-Апостолом-Коробьиным.